

Агентивность соматизмов в японском языке и концепция восточной телесности

Ульяна Петровна СТРИЖАК

Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики",
Москва, Россия, ustrizhak@hse.ru

Аннотация. В работе представлены результаты корпусного анализа функционирования японских агентивных соматических конструкций. Обнаруживается, что соматизмы на субъектной позиции не проявляют агентивных свойств в силу приоритета в японском языке одушевлённого субъекта, но соматические объектные актаны не только сохраняют агентивные характеристики, но и выполняют функцию смягчения антропоориентированного воздействия, несвойственного японскому языку. В статье разрабатывается концепция восточной телесности, объясняющая лингвокогнитивные механизмы осознания японцами себя в системе телесных координат.

Ключевые слова: соматизмы, агентивность, восточная телесность, японский язык, когнитивный приоритет

Для цитирования: Стрижак У.П. Агентивность соматизмов в японском языке и концепция восточной телесности // Известия Восточного института. 2023. № 2. С. 116–126. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/116-126>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/116-126>

Agentivity of somatics in Japanese and the concept of Eastern corporality

Uliana P. STRIZHAK

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ustrizhak@hse.ru

Abstract. This paper presents the results of a syntactic parallel corpora analysis of the functioning of Japanese agentive somatic structures. It is found that somatics as a subject do not demonstrate agentive features due to the priority of the animate subject in Japanese. On the contrary, somatic actants as an object obviously show agentive characteristics as well as carry out the feature of mitigating the human-oriented impact, which is unusual for the Japanese language. The article manifests the concept of Eastern corporality, which explains the linguo-cognitive mechanisms of self-awareness by the Japanese in the system of body coordinates. This concept argues that somatics are to be considered as the nearest interaction circle for Japanese to be controlled and organized, which means somatics' cognitive salience in the Japanese understanding of the causative structures describing the body sphere.

Keywords: somatics, agentivity, Eastern corporality, Japanese language, cognitive priority

For citation: Strizhak U.P. Agentivity of somatics in Japanese and the concept of Eastern corporality // Oriental Institute Journal. 2023. № 2. P. 116–126. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-2/116-126>

Введение

Данная работа представляет собой фрагмент исследования агентивности как совокупности семантических характеристик высказывания, описывающих процесс каузации, неотъемлемыми компонентами которого являются намеренность, сознательность и контролируемость выполняемого действия. Эти характеристики в разной степени присущи участникам описываемых в высказывании событий: агенсу как деятелю (носителю или источнику действия, производимого предикатом) и пациенсу как объекту приложения данного действия. Согласно положениям общей лингвистической теории о Прото-Агенсе и Прото-Пациенсе в концепции Д. Даути [15], прототипическим агенсом является человек, а на другом полюсе шкалы агентивности находится неодушевлённая вещь, которая в силу отсутствия необходимых характеристик не может занимать позицию деятеля/каузатора в высказывании. Однако в окружающей нас действительности мы нередко наблюдаем ситуации, когда инициатором действия являются неодушевлённые субъекты, например: нас мучает любопытство, расстраивают поступки, охватывают чувства, сбивают с толку слова, пугает гром и т. д. В случае японского языка, который в целом демонстрирует тенденцию к доминированию перереходных конструкций и сниженной агентивности (подробнее у Y. Ikegami [16], Ё. Икэгами [18], Х. Киндаити [19], А. Кондо [20] и др.), эти обычные для нас алгоритмы на-

шего взаимодействия с окружающим миром (например, "письмо меня расстроило") вступают в конфликт с когнитивными ограничениями¹: не допускать такие субъекты на позицию агенса (письмо, даже если оно является источником радости, в японском представлении является не более чем орудием, а значит, должно занимать периферийную инструментальную позицию при сохранении человека на ведущей позиции агенса). Следовательно, при объективации таких фрагментов действительности в японском языке необходима грамматическая трансформация высказывания для соотнесения синтаксических и семантических ролей деятеля и источника воздействия.

Это положение было проверено на материале авторского параллельного синтаксически размеченного русско-японского корпуса художественных произведений, в котором были задокументированы маркированные для японской языковой нормы случаи воздействия неодушевлённого субъекта на человека, что фиксируется как нарушение когнитивных представлений японцев об окружающем мире. Была выдвинута гипотеза, что исходные когнитивно инородные для японского языка предложения с неодушевлённым субъектом при агентивном предикате типа 'судьба его выручила' будут преобразованы в антропоориентированные высказывания с сохранением фокуса на человеке. В постановке гипотезы мы исходили из того, что японский язык ограничивает неодушевлённые актанты в праве занимать ведущие синтаксические позиции; эти когнитивные ограничения были выделены и описаны нами ранее [11, с. 42–44; 81–82], перечислим их: 1) японский язык отдаёт предпочтение непереходным конструкциям, и в смысловом фокусе находится не деятель, а вся ситуация в целом или результат осуществлённого действия, в результате чего снижается общая агентивность отдельного высказывания и дискурса в целом; 2) главные актанты в японском языке имеют строгое ограничение по критерию одушевлённости, что подразумевает осознанность и автономность выполнения действия, а также наличие волевого и контролирующего начала.

Исследование корпусного материала (2308 примеров из 35 произведений русской художественной литературы, отобранные методом сплошной выборки, и их японские аналоги, от одного до пяти переводов на каждую исходную единицу) в целом подтвердило вышеизложенную гипотезу – доля преобразований составила 69,71% всех корпусных вхождений, что демонстрирует стремление японского языка к пониженной агентивности в описании явлений окружающей действительности: 'обстоятельства поставили его в тупик' превращается в 'из-за обстоятельств он оказался в тупике'² (снижение агентивности путем субъектно-объектной замены); 'и сон, и бред разом охватили его' → 'и сон, и бред разом навалились на него' (при сохранении исходной диатезы демонстрируется пониженное воздействие на человека за счёт мены валентности и соответствующего уменьшения агентивной силы предиката) и т.д.

Однако в ходе исследования были зафиксированы и обратные примеры повышенной агентивности японских высказываний, одним из актантов которых является соматический компонент, что и обусловило необходимость проведения отдельного анализа языковой репрезентации телесной составляющей в японском языке. А.Н. Мещеряков в фундаментальном комплексном исследовании истории отношения японцев к своему телу отмечает общий рост научного интереса к теме культуры телесности, объясняя это "современными мировоззренческими установками, когда тело осмысливается как принадлежность человека, индивидуальное бытие которого все больше отрывается от бытия коллективного" [8, с. 9], подчеркивает особую роль телесной составляющей для японской культуры и обосновывает необходимость ее детального рассмотрения в рамках общеисторического и

¹ Под когнитивными ограничениями в данной работе понимаются ограничения, накладываемые совокупностью представлений об устройстве окружающего мира в японском языковом сознании.

² Все примеры в работе взяты из авторского корпуса параллельных русско-японских текстов художественных произведений.

общекультурного контекста [8, с. 16]. В настоящей работе японский феномен тела станет объектом лингвистического анализа, в ходе которого агентивные характеристики соматических актантов будут систематизированы и объяснены с помощью положений концепции восточной телесности. Таким образом, задачей данной работы стала систематизация и анализ корпусных данных по критерию включенности соматического компонента и объяснение природы повышенной агентивности предложений с соматическими актантами в японском языке, для чего были выделены соматизмы на субъектной и объектной позициях, а также в роли дополнительных, исходно отсутствующих, актантов. Рассмотрим последовательно эти случаи нетипичного для японского языка высокоагентивного актантового статуса.

Агентивный статус японских соматических актантов

Прежде всего, было обнаружено, что соматизм как каузатор (**субъектная позиция**) следует общему правилу приоритета одушевлённого агенса – имеет ограниченное употребление и, как правило, выводится с ведущей актантной позиции за счёт субъектно-объектной замены, как в примерах (2) и (3), или становится аргументом предиката со сниженной акциональностью, как в примере (1):

‘золотой зуб освещал все лицо’ → 顔中に輝いていた金歯 *kaojuu ni kagayaite ita kinba* = досл.³ ‘зуб сверкал на всем её лице’, т.е., ‘зуб’ не ‘освещает лицо’, а просто ‘сияет на нём’, что демонстрирует потерю агентивного воздействия предиката;

‘вы думаете, его бы остановили тогда мои слёзы’ → あの子が思いとどまったのは私が涙を流した <...> せいだ *ano ko ga omoitodomatta no wa watashi ga namida wo nagashitari <...> sei da* = досл. ‘вы думаете, он бы остановился, если бы я заплакала’ = субъект ‘слезы’ меняет позицию главного актанта на объектную;

‘что поражало в ней, так это глаза’ → 彼が驚かされるのは目の表情であった *kare ga odorokasareru no wa, me no hyoujou de atta* = досл. ‘чем он был поражён, так это ее глазами’ = субъект ‘глаза’ переходит на инструментальную позицию при страдательном предикате.

В целом в ходе анализа функционирования соматизмов на субъектной позиции – проверки, как сильно свои или чужие телесные проявления могут влиять на человека – было обнаружено, что только 24% русских предложений сохраняют исходную агентивность при передаче на японский язык, а 76% корпусных вхождений были трансформированы; это позволяет констатировать примерное равенство синтаксической представленности соматического субъекта обычному, среднему по корпусным данным, показателю агентивности.

Далее был осуществлён анализ соматизма **на позиции объекта**, что дало иные результаты: было обнаружено, что высказывания с соматическими объектами сохраняют исходную структуру более чем в половине вхождений: 52 % (181 пример из 346) – это более чем в два раза превышает значение данного показателя по субъекту. В теории к соматическому объекту японская языковая норма должна была бы применить те же ограничения, что и к аналогичному субъекту – тем не менее в высказываниях с соматическим объектом мы наблюдаем их большее нарушение и меньшую степень трансформации исходного высказывания, что показывает более охотное допущение соматизма на позицию объекта (в отличие от субъекта) и соответствующее сохранение исходной высокой степени агентивности, например:

‘жар обжигал лицо и руки’ → 熱気が頭や手を焼き尽くした *nekki ga atama ya te wo yakitsukushita*

‘воздух и гулянье вполне укрепляют организм’ → 外の空気と散歩が体を丈夫にする *soto no kuuki to sanpo ga karada wo joubu ni suru*

³ Пометка ‘досл.’ указывает на дословную обратную передачу японского переводного текста на русский язык; лексико-грамматическая структура в таких высказываниях часто нарушает стилистические нормы русского языка, см. ‘зуб сверкал на всем её лице’, но приводится именно в таком виде для точного отображения лексического значения, а также разницы в распределении синтаксических ролей в оригинальном и переводном предложении.

‘воспоминания зажгли ей кровь’ → 思い出が彼女の血を燃え立たせた / たぎらせた / 湧きたたせた *omoidе ga kanojo no chi wo moетataseta / tagiraseta / wakitataseta*

В (4) и (5) исходная диатеза сохраняется, а в (6) наблюдается некоторое снижение каузативной силы неодушевлённого агенса за счёт выведения объекта воздействия – человека – с дативной позиции и перемещения на атрибутивную, что приводит его к потере внешней синтаксической связи с предикатом; но в целом неодушевлённый субъект ‘воспоминания’ сохраняет свою каузативную силу почти в полной мере;

‘ноющая грусть тихо грызла мне сердце’ → 憂鬱の念が私の心を噛む / 寂しさが私の胸を噛む / 悲しみが胸に込み上げてくる *yuutsu no nen ga watashi no kokoro wo kamu / sabishisa ga watashi no mune wo kamu / kanashimi ga mune ni komiagete kuru* = досл. ‘тоска грызёт моё сердце / одиночество грызёт мою грудь / грусть подступает к груди’

Можно сделать вывод, что наблюдаемое сужение воздействия на человеческое тело до его фрагмента даёт значимое повышение агентивности неодушевлённого главного актанта и, соответственно, всего предложения. Иными словами, в японском представлении узконаправленная каузация более допустима, чем воздействие на человека в целом. Продемонстрируем данный вывод на следующем типичном примере с полным сохранением исходной максимальной агентивности:

‘Можно было догадаться, как это чтение утомляло её мозг’ → この読書がどんなに彼女の頭を疲れさせているか *kono dokusho ga donna ni kanojo no atama wo tsukaresasete iru ka* = досл. ‘как это чтение утомляло её голову’⁴.

Если бы исходный фрагмент был представлен как ‘Чтение утомляло её’ – то согласно наблюдаемой в корпусе тенденции японское предложение скорее превратилось бы в ‘Она утомлена чтением’ или ‘Она читала и утомлялась’, но в (8) ‘чтение’ в исходном варианте воздействует не на всего человека, а узконаправленно на его часть (‘мозг’/‘голова’) – такие предложения допускаются гораздо чаще и по статистическим показателям (количество и распределение вхождений), и отмечаются информантами-носителями языка как естественные. На этом основании был сделан вывод о когнитивной допустимости соматических объектов при неодушевлённом субъекте.

Более того, на материале параллельного корпуса русско-японских текстов эмпирически обнаружилось дополнительное свойство, присущее японским соматическим актантам на объектной позиции: в ходе исследования был выделен их особый подвид – исходно отсутствующий дополнительный актонт, выполняющий функцию уменьшения каузативной силы, обозначенный нами как “амортизирующий”, что позволило ввести в научный оборот понятие “когнитивной амортизации” как смягчения воздействия, являющегося, как было сказано выше, избыточным для японского языкового сознания. Это смягчение необходимо с точки зрения носителей японского языка для трансформации когнитивно некорректного агентивного высказывания, содержащего каузативный антропоориентированный компонент с неодушевлённым субъектом в роли каузатора. Лингвистическую основу такой когнитивной коррекции обеспечивает механизм расщепления каузативного фокуса на человека и его выделенный телесный фрагмент, иногда

⁴ Следует отметить, что при отборе анализируемых единиц рассматривались и случаи с полной лексической заменой исходного соматического объекта в языке перевода. Так, в корпусе были обнаружены следующие примеры: замена ‘голова’ → ‘глаза’: ‘надежда на счастье кружила ее голову’ → 期待で目が眩く *kitai de me ga kurumeku* = досл. ‘от надежд кружились глаза’; замена ‘кровь’ → ‘костный мозг’: ‘жизнь презренная отравила нашу кровь’ → 僕たちは骨の髄まで腐る *bokutachi wa hone no zui made kusaru* = досл. ‘мы отравлены до мозга костей’. Такие случаи были зафиксированы для дальнейшего изучения лексико-семантического представления человеческого тела, но рассматривались по общему алгоритму без вынесения в отдельную подгруппу в силу лексического характера замены, не влияющего принципиально на распределение синтаксических ролей и агентивный статус компонентов. В работе [4, с. 57–58] эти случаи обозначаются как <квази>синонимические соматизмы, а принцип создания такой синонимии объясняется актуализацией в смысловой структуре фразеологизмов общих свойств соматических объектов – наличием в их основе идентичных симптоматических жестов, схожих функций и т.д. Данные выводы сделаны в [4] на материале фразеологических единиц, но мы попробовали применить их и к свободным сочетаниям в нашей работе. Именно такие механизмы переноса мы наблюдаем в этом и похожих примерах.

сопровождающегося элиминацией человека как объекта. Приведём несколько примеров.

‘страшное бремя, давившее его так долго’ → 長いこと心にのしかかっていた恐ろしい重荷 *nagai koto kokoro ni noshikakatte ita osoroshii omoni* = досл. ‘страшное бремя, навалившееся на его душу’

В данном примере происходит замена ‘человека’ (с сохранением атрибутивной функции) на ‘его душу’ – такое смещение призвано локализовать воздействие на малом участке человеческой личности, чтобы не подставлять под каузативный удар человека целиком, что нарушает правило приоритета одушевлённого субъекта в японском языке.

‘воспоминание заставляло его вздрагивать и краснеть’ → 記憶は彼の身を震わせ、顔を赤くさせる *kioku wa kare no mi wo furuwase, kao wo akaku saseru* = досл. ‘воспоминание встряхивает его тело и делает красным его лицо’

Здесь исходный объект ‘его’ расщепляется на два разных фрагмента, обозначаемых разными соматизмами: в японском понимании необходимо уточнить, что вздрагивает – тело, а краснеет – лицо.

‘дрожь его пробирала’ → 身震いをしながら / 体じゅうを震わせていた / 体にふるいまで来ている *tiburui shinagara / karadajuu wo furuwasete ita / karada ni furue made kite iru* = досл. ‘он тряс своё тело’

В примере (11) все варианты перевода демонстрируют расширение исходного понятия ‘дрожь’ с помощью соматического компонента ‘тело’, разнясь лишь в выборе соответствующего соматизма – *身 mi* как ‘тело в психофизическом единстве’ и *体 karada* как акцент только на ‘физическую телесную составляющую’.

Как видно из примеров (9)–(11), дополнительные соматические актанты прокладывают дистанцию между человеком как объектом воздействия и агенсом, амортизируя тем самым каузативный удар, несвойственный японскому языку.

Таким образом, анализ особенностей функционирования японских соматических актантов позволил сделать выводы о необходимости трансформации исходного высказывания при воздействии неодушевлённого субъекта на человека в целом и на его фрагмент, а также проследить направление смещения фокуса воздействия в случае трансформации соматизма на объектной позиции. Было обнаружено, что:

- японские соматизмы на субъектной позиции подчиняются тем же когнитивным ограничениям, что и неодушевлённые субъекты: они преимущественно выводятся с главных актантных позиций и перемещаются на синтаксическую периферию;
- на объектной позиции наблюдается обратное явление: локализация воздействия на соматическом компоненте позволяет в некоторой степени сохранить требуемую исходную агентивность;
- коррекция не свойственной японскому языку антропоориентированной каузации обеспечивается введением дополнительного соматического актанта, принимающего на себя – частично или полностью – каузативный удар.

Первое положение о соматическом субъекте вполне укладывается как в представление о прототипической роли субъекта/агенса, так и в более жесткие рамки, описывающие прототип деятеля в японском языке; но второй и третий выводы – об особом статусе соматического объекта в японском языке – требуют, на наш взгляд, дополнительной интерпретации и объяснения, почему в японском языке обнаруживается повышенная агентивность человека в отношении своего тела как объекта воздействия. Нам видится несколько причин, обуславливающих такую выделенность в японском сознании соматических единиц, связанную с особенностями представления японцами своего телесного пространства. Представим их в следующей части работы.

Лингвокогнитивные механизмы реализации восточной концепции телесности

Когнитивный фон восприятия человеком своей телесности подробно описан у А.В. Нагорной в лингвофилософском обосновании противопоставления

двух парадигм осмысления человеком своего соматического опыта: экзистенциальной 'быть телом' и посессивной 'иметь тело', где особо подчеркивается роль центрального противоречия человеческой жизни между 'быть' и 'иметь', а также двойственный характер связи между человеком и его телом: восприятия "Я" как субъекта или как объекта [9, с. 330–359]. Причины выделенности объекта в таком случае мы находим и у О.К. Ирисхановой в описании механизма дефокусирования: отношение 'иметь', оформляющее прямое дополнение, ставит его в агентивно-акцентированную позицию и тем самым дефокусирует обладателя [3, с. 183–185]. Для описания взаимосвязи человека с собственным телом А.В. Нагорная вводит понятие модуса как континуума состояний, располагающихся между полюсами 'Я есть тело' и 'У меня есть тело': "модус переживания телесности – специфическое отношение к собственному телу, которое возникает в той или иной интероцептивной ситуации и выражается в стремлении ассоциировать себя с ним либо, напротив, противопоставить себя ему" – соответственно, в языке "модус переживания телесности выражается в выборе таких языковых (в первую очередь, синтаксических) средств, которые позволяют описать событие как происходящее либо с самим человеком, либо с его телом" [9, с. 397], что отражает когнитивную установку говорящего относительно собственного телесного воплощения. В качестве наиболее релевантной модели для осмысления телесных (интероцептивных, но данное положение, на наш взгляд, можно масштабировать на всю телесную сферу – *прим. авт.*) ощущений в контексте эмоциогенеза указан именно каузативный модус переживания телесных ощущений [9, с. 157]. В объяснении причин такой естественности каузативной модели для английского языка А.В. Нагорная со ссылкой на Дж. Лакоффа и М. Джонсона [9, с. 383] указывает, что каузальный тип мышления характерен для западной, аналитическо-рациональной культуры: примеры каузативных цепочек типа 'Злость вынудила его сердце биться чаще' или 'Страх заставил его сердце мчаться' свойственны такому типу мышления и даже предпочтительны в англоязычном дискурсе. Это демонстрирует признание в западной культуре волевого начала у соматизмов, "навязывающего" органам определенный тип поведения [9, с. 382–396].

Проверим данный тезис на материале японского языка. В начале работы мы приводили положения, показывающие, что японский в целом тяготеет к нетранзитивной модели описания действительности, но анализ особенностей функционирования соматизмов в японском языке обнаружил тенденцию к их выдвиганию на центральные синтаксические позиции, что демонстрирует ярко выраженный каузативный характер таких структур – налицо противоречие в оформлении агентивных процессов в японском языке. В объяснении этого когнитивного парадокса прежде всего вспомним, что Р. Лангакер делает особый акцент в описании каузативных отношений на процессе передачи энергии, ответственности и функций контроля от каузатора к объекту [17, с. 492–495] и подчеркивает, что даже в случае взаимодействия человека с собственным телом происходит передача внутренней энергии между элементами процессуальной цепочки, хоть они и выступают в данном случае не более чем соучастниками события [17, с. 186]. Получается, пессимист побуждает свое обладаемое к некоторому (достаточно условному) действию и последующему изменению состояния в качестве соучастника процесса при сохранении ответственности и контроля за своим телом. Специальное же выведение объекта за пределы человеческого контроля демонстрирует когнитивную выделенность каузируемого элемента и свидетельствует об особо прилагаемом усилии по структурированию телесного события (в соматической сфере Р. Лангакер приводит примеры выделенности 'руки' при поднятии одной руки с помощью другой или специальном усилии врача по приведению в движение руки пациента, неспособного осуществить это самостоятельно, то же – при контакте с рукой манекена и т.д. [17, с.184–186]). Именно такая тенденция была выявлена в ходе анализа японских высказываний с соматическим компонентом, что означает несомненную их когнитивную выделенность в японском понимании каузативных отношений в телесной сфере.

Истоки такого понимания можно обнаружить в восточном представлении телесности, которая онтологически не разделяет понятия тела и духа – они существуют в единстве и взаимосвязи. В современном японском языке для этого понятия есть специальный термин 心身 *shinshin*, состоящий из компонентов 'душа + тело', который используют для отображения комплексности пути личностного совершенствования. А.Н. Мещеряков в исследовании японского телесного фактора особо подчеркивает, что "именно тело является первичным носителем всех антропогенных (культурных) смыслов" [8, с. 11]. Популярности приведенной выше психосоматической формулы способствуют и религиозные установки японцев, например: "Буддизм с точки зрения теории телесности – это религиозно-философское учение об изменении онтологического статуса человека, духовном пробуждении, при помощи преобразования человеческого тела" [5, с. 12]. Д. Судзуки в описании основ буддийского понимания мира называет западный ум объективным, научным и интеллектуальным, противопоставляя его восточному уму, который субъективен, эмпиричен и интуитивен, исходит из физического опыта переживания [12]. У Т.М. Гуревич мы неоднократно находим свидетельства того, что для японцев "человек, личность, индивидуальность" – это прежде всего "телесность" [2], и подтверждение идеи о том, что в японском понимании "мир проявляется как функция психического состояния, которая присутствует в опыте и воспринимается через опыт <...> Человек, его телесная и духовная составляющие неразделимы" [1, с. 211].

Следует отметить, что согласно древним текстам изначально компоненты современного термина 心身 *shinshin* 'душа + тело' шли в обратном порядке: первым стоял графический компонент 身 'тело', за которым следовал второй – 心 'душа', что подразумевало "сосредоточение прежде всего на телесном начале, которое служило истоком совершенствования духовной составляющей" [21, с. 737]. Показательно, что именно эта идея приоритета телесного над духовным актуализируется в современной психосоматической медицине – например, в журнале Japanese Society of Psychosomatic Medicine японские монахи и мыслители эпохи Камакура⁵ Эйсай и Догэн опосредованно дискутируют о первичности тела или духа, останавливаясь на первом [21]. Эта идея продолжает быть ярко выраженной и в современных духовно-образовательных практиках, где телесное начало задействовано на равных с работой духа: под влиянием религиозно-философских идей познание себя в восточных культурах происходит психосоматическим путем, без разделения на тело и душу. В результате процесс познания мира и самосовершенствования, путь к просветлению начинается с освоения собственного тела: "Тело исследуется, его способности развиваются, контроль над самыми мелкими телесными проявлениями превращается в повседневную подсознательную практику, и, когда приходит время, форма становится условным рефлексом, привычки становятся "второй натурой", а единение духовного, соматического, ментального в процессе личностного роста достигается путем актуализации аспекта "опыта или мастерства, т. е. освоения двигательного навыка" [5, с. 16; с. 15]. Японский философ Я. Юаса объясняет детерминированность автоматизированных человеческих действий и поступков сложившимся и вытекающими "из всей истории предыдущего опыта" поведенческими моделями, приобретенными прежде всего путем телесной практики [цит. по [14, с. 111]. После первичного узнавания следует этап 体得 *taidoku*, дословно: 'приобретение через тело'. Примечательно, что современная образовательная традиция Японии, испытавшая влияние буддийской доктрины, во многом отличается от западного подхода. В.П. Мазурик в своем исследовании об экзистенциальности японской педагогики говорит о принципиальной разнице в методике работы с текстами в процессе обучения: при чтении японских текстов от читателей требуется не понимание, но превращение, слияние по принципу непосредственного соприкосновения. Иначе говоря, акцент идет не на получение знания, а на переживание его; не на приобретение, а на "вращение" в знании и озарение в процессе

⁵ Японская эпоха Камакура соответствует периоду 1185–1333 гг. в европейском летоисчислении.

обучения [7, с. 95]. М. Сува приводит примеры формирования у учащихся телесных метакогнитивных навыков на основе первоочередного познания физического воплощения окружающего в виде "мира вещей" [22].

Можно сказать, что такое понимание процессов самосовершенствования по М. Хайдеггеру [13, с. 11–13] базируется не на онтологических основаниях, регулирующих порядок бытия, а на онтических, которые описывают порядок сущего; "познание <...> имеет свое онтическое фундирование в <этом> бытийном устройстве [13, с. 61]. Хайдеггеровское противопоставление "объясняющего" – "существующему" может лечь в основу понимания важности телесного в восточных образовательных практиках; ученик смотрит и повторяет за учителем без объяснений; понимание приходит через прочувствование физических действий. В результате путём многократного повторения форм приобретает навык контроля за телесными проявлениями, результирующимися в чувственном и физическом опыте. Это приводит нас к выводу, что японцы осваивают мир и через тело, отделяя и выделяя соматическое пространство как ближайший круг своего бытия. В работах японского философа Т. Вацудзи подчеркивается, что "собственное тело" как элемент окружающего мира является частью пространственного опыта человека, причем ближайшей его составляющей [цит. по [14, с. 110–111]. Интересно, что в японских духовных практиках есть специальный термин для описания опыта прижизненного внетелесного существования 幽体離脱 *yuutai ridatsu* (out-of body experience), который представляет собой временный выход человека из собственного тела и наблюдение за своим телесным воплощением со стороны. Это служит еще одним доказательством способности японцев отделить в своем внутреннем пространстве центр "Я", а телесное продолжение "себя" воспринимать как территорию "первого шага" в последовательном освоении мира (в отличие от обозначения телесных границ в русском языке: например, В.В. Красных структурирует русский мир, очерчивая ближайшую зону человека строго его телесными границами [6, с. 300]).

Представленные выше японские принципы организации телесного пространства отражают субъективизм японского миропонимания: отсчет всего происходящего ведется от конкретной персоны, если не обозначено иное – то от себя; вокруг этого центра (и в неперменной связке с ним) разворачиваются некие события, в нашем случае – структурируется свое телесное пространство. Иными словами, даже собственные части тела японцы вычленяют как первый круг взаимодействия с собой же; далее их осваивают, контролируют, организуют. В результате мы наблюдаем случаи парадоксального высокоагентивного использования соматических элементов, нарушающие японские иерархические представления о структуре отношений человека с окружающим миром; а иногда и просто идущие вразрез со здравым смыслом (описание приятной девушки с 'блестящими глазами' перерастает в устрашающее 'девушка, которая побуждает/заставляет свои глаза блестеть'; негативная семантика предиката 'убивать' распространяется на 'дыхание' в тривиальном значении 'молчать' или на 'голос' – его 'убивают' при передаче тихого смеха и т. д.).

Наряду с изложенной выше необходимостью и функциональной сущностью надзора за своими телесными проявлениями следует описать еще одну сферу ограничения японцами своей внешней воплощенности – психическую. В рамках японской ментальности контроль и тренировке подлежит не только состояние тела, но и проявление чувств; это, соответственно, проявляется и в языковых – часто транзитивных – моделях обозначения взаимодействия человека со своей психикой. В поисках причин высокоагентивного обращения со своими эмоциями, свойственного японскому языку, мы опять обратимся к аксиологическому аспекту буддийской доктрины. Система буддийских ценностей обязывает человека отказываться от сильных чувств и привязанностей, загрязняющих духовную сферу человеческого существования; идеальным признается состояние эмоциональной *невовлеченности* (вне зависимости от полярности чувства и соответствующей эмоции – негативные и позитивные проявления могут быть в равной степени

деструктивными). На начальных этапах на пути к полному отказу от чувствования с целью совершенствования личности необходим контроль за проявлением любых (=неподобающих) эмоций. Таким образом, языковые обозначения психических состояний и эмоциональных реакций в той же мере, что и описания телесных процессов, допускают (а иногда даже требуют) каузативный формат отношений человека со своими психосоматическими проявлениями. Рассмотрим несколько примеров.

Японский аналог исходного выражения 'улыбнувшись' представляет собой транзитивное сочетание 微笑を浮かべて *bishou wo ukabete* = досл. 'вызвав улыбку'. Глагол 浮かべる *ukaberu*, помимо очевидного значения 'вызывать, проявить' интересен в данном контексте своей скрытой семантикой избыточности: в качестве одного из синонимов значения 'проявить на поверхности' японские источники предлагают глагол 過ぎる *sugiru* 'проявить/ся в избыточной степени', тем самым обозначая 'выход на поверхность' чувств как ненужную, избыточную их визуализацию, явление; усиливается данное значение еще и сопутствующим актантом 余り *amari* 'излишек, свыше необходимого'. Такой выбор, зафиксированный в японских когнитивных структурах, показывает направление мысли японцев: не надо являть миру свои эмоции – это лишнее. Аналогично в следующем примере: 'усмехнулся' передается как 笑いを漏らす *warai wo morasu* = досл. 'пролить улыбку, дать выход улыбке'. Здесь тоже показателен ярковыраженная глагольная семантика случайности выполнения непозволительного действия (漏らす *morasu* в том числе оформляет сочетание 'выдать тайну, проболтаться, пролить воду'). Возможно, данный оттенок играет свою роль в обозначении проявления чувств, а именно подчёркивает нежелательность этого действия; а если все-таки случилось проявить чувство – то требуется перевести это в подконтрольный формат.

Здесь необходимо понимать, что 'улыбаться' – еще относительно управляемый процесс, а, например, сердцебиение гораздо меньше поддается внешнему регулированию. Тем не менее японское видение психосоматических процессов требует каузативного оформления даже неконтролируемых проявлений (под контролем мы вслед за Е.В. Рахилиной и В.А. Плунгяном понимаем наличие факта контроля субъектом всей ситуации или одной из ее фаз, включая, таким образом, и "частичный контроль" [10]). Например: выражение 'сильно билось сердце' передается как 激しい動悸を抑えながら *hageshii douki wo osaenagara* = досл. 'сдерживая ярое биение сердца'. Замедлить сердцебиение можно только значительным психофизическим усилием при определенной подготовке, а осуществляется оно и вовсе бесконтрольно – тем не менее японцы считают этот процесс вполне каузативным (примечательно, что о сдерживании в исходном тексте у А.П. Чехова речь не шла – сцена долгожданного, но внезапного свидания в произведении "Дама с собачкой" эмоционально сильно нагружена). Следующий пример с соматическим компонентом 'дрожь' относится к случаям "частичного контроля" (здесь контролируется только конечная фаза, т. к. начинается дрожь без участия субъекта в этом процессе, а вот перестать дрожать волевым усилием можно). В этом случае мы тоже наблюдаем повышение агентивности в японском варианте: 'дрожь его пробирала' получает противоположную направленность и высокоагентивную характеристику: 体ぶるぶる振るわせていた *karada buruburu furuwasete ita* = досл. 'он тряс своё тело'. Еще более показательны примеры с такими соматическими явлениями, как 'озноб' или 'покраснение', которые невозможно контролировать ни в начальной, ни в конечной фазе: 'румянец покрыл её щеки' трансформируется в 彼女は両の頬をさっと赤くした *kanojo wa ryou no hoo wo satto akaku shita* = досл. 'она свои щеки внезапно сделала красными'. С точки зрения контролируемости это нелогично, т. к. к физиологическому процессу покраснения не применимы понятия волевости и контроля, но корпусные данные показывают, что в японском языке каузативный формат психосоматических конструкций является вполне допустимым и даже желаемым. Объяснением этому могут послужить представленные выше особые механизмы осознания японцами себя в системе телесных координат.

Выводы

Итак, анализ параллельного корпуса русско-японских художественных произведений подтвердил невысокий уровень агентивности японских соматических субъектов и, напротив, показал отчётливую выраженность высокоагентивных каузативных свойств у соматических объектов, которые в том числе выполняют дополнительную задачу локализации воздействия, что выводит человека из-под каузативного удара.

Такое системное использование высокоагентивных конструкций для обозначения действий, выполняемых субъектом в отношении самого себя – как в сфере физического, так и в сфере психического – может быть объяснено с помощью восточной концепции телесности, в рамках которой человек предстаёт как единая психофизическая сущность. В результате соматическое пространство – как собственное, так и чужое – может рассматриваться как фрагмент условно отделяемой, осваиваемой и управляемой территории, что позволяет описывать происходящее в телесной сфере как каузативные процессы.

Литература

1. Гуревич Т.М. Культурологическая парадигма преподавания японского языка // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 2. С. 208–212.
2. Гуревич Т.М. Лингвокультурологический анализ концептосферы ЧЕЛОВЕК в японской языковой картине мира: автореф. дис. ... д. культур.: 24.00.01. М., 2006. 45 с.
3. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
4. Козеренко А.Д. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела / А.Д. Козеренко, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. 2011. №6. С. 54–66.
5. Костерина А.Б. Дух и плоть дзэн, или буддийские истоки японской телесности / А.Б. Костерина, А.С. Цесевичус // Дискуссия. 2012. № 5(23). С. 12–18.
6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
7. Мазурик В.П. Уроки японской экзистенциальной педагогики // Материалы 7-й научно-методической конференции «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания» (март 2012 г.). М.: Ключ-С, 2012. С. 87–102.
8. Мещеряков А.Н. Страна Япония: жить японцем. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2020. 504 с.
9. Нагорная А.В. Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке // Дис. ... д. фил. н.: 10.02.04, 10.02.19. Москва, 2015. 460 с.
10. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Заметки о контроле // Речь: восприятие и семантика. М., 1988. С. 40–48.
11. Стрижак У.П. Японский язык в антропоцентричном пространстве: когнитивный подход в обучении: Монография. М.: Серебряные нити, 2020. 162 с.
12. Судзуки Д. Лекции о дзэн-буддизме // Фромм Э., Судзуки Д., Р. Де Мартино. Дзэн-буддизм и психоанализ. М.: Весь мир, 1997. URL: https://royallib.com/read/sudzuki_dayzetsu/dzen_buddizm_i_psihoanaliz.html#0 (дата обращения: 12.07.2022).
13. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.
14. Цесевичус А.С. Проблемы взаимоотношения разума и тела в японской и западной культурах: сравнительный анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. № 2(14). С. 108–113.
15. Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991. Vol. 67, No. 3. P. 547–619.
16. Ikegami Y. DO-language and 'BECOME-language': Two contrasting types of linguistic representation // The empire of signs: Semiotic essays on Japanese culture. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 285–326.
17. Langacker R. Cognitive grammar: a basic introduction. NY: Oxford University Press, 2008. 562 p.
18. 池上 嘉彦. 「する」と「なる」の言語学. 東京: 大修館, 2011. 304ページ。= Икегами Ёсихико. Лингвистика: «язык-делать» и «язык-становиться». Токио: Тайсюкан, 2011. 304 с.
19. 金田一春彦. 日本語の特質. 東京: NHKブックス, 2007. 245ページ。= Киндайти Харухико. Особенности японского языка. Токио: NHK books, 2007. 245 с.
20. 近藤 安月子. 「日本語らしさ」の文法. 東京: 研究者, 2018. 288ページ。= Кондо Ацукю. «Японская» грамматика японского языка. Токио: Кэнкюся, 2018. 288 с.
21. 仲 紘 嗣. 「心身一如」の由来を道元・栄西それぞれの出典と原典から探る // Japanese Journal of Psychosomatic Medicine. 2011. № 51(8). 737–747ページ。= Нака Хироси. Исследование о происхождении термина «синсин итинё» на основе текстов Догэна и Эйсай // Japanese Journal of Psychosomatic Medicine. 2011. № 51(8). С. 737–747.

22. 諏訪 正樹. “からだで学ぶ”ことの意味. 学び・教育における身体性 // Keio SFC journal. 2012. No. 12(2). 9–18ページ. = Сува Масаки. Смысл «обучения через тело»: телесность в учебном процессе // Keio SFC journal. 2012. No. 12(2). С. 9–18.

References

1. Gurevich T.M. Culturological paradigm of teaching Japanese // Bulletin of MGIMO University. 2012. № 2. P. 208–212. (In Russ.).
2. Gurevich T.M. Linguistic and cultural analysis of the concept sphere MAN in the Japanese language picture of the world: author. dis. ... d. culture: 24.00.01. M., 2006. 45 p. (In Russ.).
3. Iriskhanova O.K. Focus games in language: semantics, syntax, and defocus pragmatics. M.: Languages of Slavic culture, 2014. 320 p. (In Russ.).
4. Kozerenko A.D. Phraseological somatisms and semiotic conceptualization of the body / A.D. Kozerenko, G.E. Kreydlin // Questions of linguistics. 2011. № 6. P. 54–66. (In Russ.).
5. Kosterina A.B. The spirit and flesh of Zen, or the Buddhist origins of Japanese physicality / A.B. Kosterina, A.S. Tsesevichus // Discussion. 2012. No. 5(23). P. 12–18. (In Russ.).
6. Krasnykh V.V. “Own” among “strangers”: myth or reality? M.: Gnosis, 2003. 375 p. (In Russ.).
7. Mazurik V.P. Lessons of Japanese existential pedagogy // Proceedings of the 7th scientific and methodological conference "Japanese in high school: actual problems of teaching" (March 2012). M.: Klyuch-S, 2012. P. 87–102. (In Russ.).
8. Meshcheryakov A.N. Country Japan: live Japanese. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2020. 504 p. (In Russ.).
9. Nagornaya A.V. Verbal representation of interoceptive sensations in modern English // Dis. ... d. fil. n.: 10.02.04, 10.02.19. Moscow, 2015. 460 p. (In Russ.).
10. Plungyan V.A., Rakhilina E.V. Notes on control // Speech: perception and semantics. M., 1988. P. 40–48. (In Russ.).
11. Strizhak U.P. Japanese language in an anthropocentric space: a cognitive approach to teaching: Monograph. Moscow: Silver threads, 2020. 162 p. (In Russ.).
12. Suzuki D. Lectures on Zen Buddhism // Fromm E., Suzuki D., R. De Martino. Zen Buddhism and Psychoanalysis. Moscow: Ves Mir, 1997. URL: https://royallib.com/read/sudzuki_dayzetsu/dzen_buddizm_i_psihoanaliz.html#0 (accessed 12.07.2022). (In Russ.).
13. Heidegger M. Being and time. Moscow: Ad Marginem, 1997. 503 p. (In Russ.).
14. Tsesevichus A.S. Problems of the relationship between mind and body in Japanese and Western cultures: a comparative analysis // Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2013. No. 2(14). P. 108–113. (In Russ.).
15. Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991 Vol. 67, no. 3. P. 547–619.
16. Ikegami Y. DO-language and 'BECOME-language': Two contrasting types of linguistic representation // The empire of signs: Semiotic essays on Japanese culture. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 285–326.
17. Langacker R. Cognitive grammar: a basic introduction. NY: Oxford University Press, 2008. 562 p.
18. Ikegami Yoshihiko. Linguistics: “language-to-do” and “language-to-become”. Tokyo: Taishukan, 2011. 304 p. (In Jap.).
19. Kindaichi Haruhiko. Features of the Japanese language. Tokyo: NHK books, 2007. 245 p. (In Jap.).
20. Atsuko Kondo “Japanese” grammar of the Japanese language. Tokyo: Kenkyusha, 2018. 288 p. (In Jap.).
21. Naka Hiroshi. A study on the origin of the term “shinshin itinyo” based on texts by Dogen and Eisai // Japanese Journal of Psychosomatic Medicine. 2011. No. 51(8). P. 737–747. (In Jap.).
22. Suwa Masaki. The meaning of “learning through the body”: corporality in the learning process // Keio SFC journal. 2012 No. 12(2). P. 9–18. (In Jap.).

Ульяна Петровна СТРИЖАК, канд. пед. наук, доцент Школы востоковедения Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, г. Москва, Россия, e-mail: ustrizhak@hse.ru

Uliana P. STRIZHAK, Candidate of Pedagogical Sciences, Associated Professor, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, e-mail: ustrizhak@hse.ru

Поступила в редакцию
(Received) 17.08.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 14.05.2023

Принята к публикации
(Accepted) 05.06.2023